

ОБ ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНЕЙ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В АКАДЕМИИ НАУК ЗА 250 ЛЕТ
ЕЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ
(НЕСКОЛЬКО ОБЩИХ НАБЛЮДЕНИЙ)

Было бы невозможно в краткой статье рассказать об изучении древней русской литературы в Академии наук. В сущности, пришлось бы написать обширное сочинение по истории русской филологической науки. Ибо изучение древней русской литературы с точки зрения библиографической, языковой, текстологической, сравнительно-литературной и прочей было главным объектом всей русской филологической науки по крайней мере до двадцатых годов XX столетия. Напомню, что в первые годы Октябрьской революции изучение древней русской литературы в Академии наук было представлено такими именами, как А. А. Шахматов, М. Н. Сперанский, В. М. Ист-

рин, Н. К. Никольский, А. И. Соболевский, В. Н. Перетц, Д. И. Абрамович.

Здесь в области изучения древней русской литературы совершенствовались методические приемы изучения русской литературы вообще. Многие из русских филологов были специалистами по западной, древней русской литературе и новой: Ф. И. Буслаев, Н. С. Тихонравов, А. Н. Веселовский и др. Целый ряд специалистов по новой литературе в более позднее время вышли из школы акад. В. Н. Перетца, занимавшегося литературами древнерусской и древнеукраинской: С. Д. Балухатый, Г. А. Бялый, А. И. Никифоров — фольклорист, Н. К. Гудзий, совмещавший занятия древнерусской литературой с изучением Л. Толстого, и др.

Изучение древнерусской литературы в Академии наук всегда было своеобразной лабораторией наиболее точных и передовых филологических методов. Здесь хранились лучшие филологические традиции и развивались новые приемы филологического анализа.

Не вступала ли, однако, точность методики в противоречие с пресловутой отсталостью академической науки XVIII и XIX вв.? Верны ли широкие представления об академической науке как науке консервативной?

На эти вопросы я постараюсь ответить в последующих разделах этой статьи.

* * *

Прежде всего мне хотелось бы отметить, что академическая наука прошлого никогда не была, да и не могла быть, отрезана от всякой иной науки — науки университетской прежде всего. В действительные члены и члены-корреспонденты Академии наук избирались ученые, уже известные своими трудами, выполненными, как правило, вне стен Академии. Академия как бы признавала тем самым своими труды, написанные по частной инициативе ученых. Кроме того, Академия наук очень часто просто субсидировала и публиковала научные труды других учреждений или даже выполнявшиеся частными усилиями.

Так, например, средства на знаменитую вторую археографическую экспедицию П. М. Строева были даны в 1829 г. президентом Академии наук С. С. Уваровым,

тогда как первая экспедиция организовывалась на личные средства графа Н. П. Румянцева. Организованная в 1834 г. для разборки собранных за пять лет рукописных материалов Археографическая комиссия вошла в состав Академии наук только в 1921 г., все время, однако, работая в тесном контакте с последней.

Ту же постоянную поддержку ученых исследований, выполнявшихся вне стен Академии, видим мы и в осуществлении отдельных изданий. Так, знаменитое «Рассуждение о славянском языке» А. Х. Востокова было сначала издано Московским обществом любителей российской словесности (1820), а затем в «Ученых записках» Второго отделения Академии наук (1856). Академия наук напечатала в 1857 г. замечательную работу А. Н. Пыпина, тогда еще двадцатичетырехлетнего юноши, — «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских». Определить в этой юношеской работе труд, достойный Академии, было нелегко!

В 1863 г. вышли два первых тома «Памятников отреченной русской литературы» Н. С. Тихонравова. Третий том, рассчитанный приблизительно на 40 печатных листов, стал печататься в Академии наук. Было отпечатано 6 листов, когда Тихонравов взял рукопись из типографии, чтобы пополнить ее, и так и не вернул. Отпечатанные 6 листов все же вышли после смерти Н. С. Тихонравова в «Сборнике Отделения русского языка и словесности Академии наук».

Отсутствие четких границ между наукой в Академии и за ее пределами позволяет говорить об академической науке как о «большой науке» в целом — науке, в которой главную роль играли крупные академические задачи и которая развивалась с академическим размахом. В той или иной мере, теми или иными путями эта «большая наука» в конечном счете оказывалась и наукой, которую представляла Академия.

Что касается до методологических направлений, отразившихся в литературоведческих исследованиях и публикациях Академии наук, то и здесь следует отметить отсутствие в целом замкнутости и консервативности.

Смены различных методов в изучении литературы происходили без особых запозданий сравнительно с наукой зарубежной и внеакадемической отечественной. Иногда работы, вышедшие из-под пера членов Академии наук, значительно опережали работы внеакадемические,

иногда же шли с ними вровень. Но при этом следует отметить несколько особенностей академических работ. Во-первых, они были лишены тех крайностей, которые не столько выявляли особенности того или иного метода, сколько дискредитировали его. Во-вторых, в последовательности, с которой сменяли друг друга научные направления в изучении литературы, может быть замечена некоторая рациональность: не все направления прививались в Академии наук или поддерживались ею; направления сменяли друг друга, расширяя задачи изучения. В-третьих, все литературоведческие направления так или иначе имели специфические для истории русской общественной мысли особенности. В академической науке середины и второй половины XIX в. заметно влияние идей Белинского, а затем передовых идей 60-х годов. Яркие примеры тому — Н. С. Тихонравов, А. Н. Веселовский и А. Н. Пыпин.

Само понятие «литература» в его современном смысле появилось едва ли не у Карамзина.¹ До того древнерусские памятники, литературные и исторические, собирались, изучались и издавались одними и теми же учеными, и цели их исследований почти не различались.

Весь XVIII век принадлежит времени, когда древнерусские литературные произведения собирались наряду с историческими и изучались главным образом библиографически или книговедчески.

Первой заботой Академии и академических ученых всегда было выявление и издание памятников. Это было делом национальной важности, и с самого начала осознавалось это в достаточной мере хорошо.

По личному приказанию Петра I была изготовлена (по тому времени весьма тщательно) копия Радзивилловской летописи, доставленная в 1716 г. из Кенигсберга в Петербург. Радзивилловская летопись не была забыта и в дальнейшем: в 1758 г. по распоряжению президента Академии сама летопись была также доставлена в Библиотеку Академии наук, и началась подготовка ее изда-

¹ См. об этом: *Сухомлинов М. И.* О трудах по истории русской литературы. — Журнал Министерства народного просвещения, 1871, август, с. 148 и сл.

ния. Текст Радзивилловской летописи вышел в свет в 1767 г., и ему было предпослано издание «Жития» Нестора — сочинителя «Повести временных лет».

Еще в самом начале деятельности Академии делались попытки издания летописей, оканчивавшиеся первое время неудачами. После издания в 1767 г. Радзивилловской летописи дело пошло на лад. Были изданы «Русская летопись по Никонову списку» (с 1767 г.), «Царственная книга» (1769), «Царственный летописец» (1772), «Древний летописец» (1774—1775), «Российская летопись по списку Софейскому Великому Новаграда» (ч. 1, 1795), «Книга степенная царского родословия» (1775) и др.

Наконец, Академия подхватила инициативу Н. И. Новикова по изданию древнерусских памятников и в 1786—1801 гг. издала 11 частей «Продолжения Древней Российской Вивлиофики».

Памятники русской письменности изучали М. В. Ломоносов, В. Н. Татищев и первые академики из немцев: И. П. Коль, Г. Ф. Миллер и А. Л. Шлецер. Первый из них сделал доклад о рукописях Московской Синодальной библиотеки и занимался исследованием судеб славянского перевода Библии и Слов Ефрема Сирина. Второй, Г. Ф. Миллер, собрал многие исторические и литературные памятники и стремился их издать и исследовать. Третий, Авг. Шлецер, задался целью исследовать и реконструировать текст летописи Нестора. Быстро устаревший труд Шлецера «Нестор» (немецкое издание — 1802—1809 гг., русское — 1809—1819 гг.) был однако, для своего времени явлением замечательным, опередив с точки зрения приемов критики текста западную науку.

Оценивая труд Авг. Шлецера «Нестор», необходимо учесть, что рядом с работами этого академика развивалась замечательная издательская деятельность Н. И. Новикова. Он издает «Древнюю Российскую Вивлиофику» (СПб., 1773—1775, ч. 1—10; 2-е изд. 1788—1791, ч. 1—20), «Историю о невинном заточении боярина А. С. Матвеева» (1776), «Скифскую историю» А. Лызлова (1776), «Повествователь древностей российских» (ч. 1, 1776) и др. В изданиях Н. И. Новикова выходили произведения по одному конкретному списку, Авг. Шлецер же ставил себе совсем другую задачу: критическое издание по всем спискам с восстановлением авторского текста. Эти первые опыты Авг. Шлецера были неудачны, но мы должны

помнить, что значение их этим не аннулируется. Первые опыты повлекли в дальнейшем вторые и третьи, а в конечном счете они дали результаты весьма значительные.

* * *

В 1841 г. в состав Академии наук в качестве ее Второго отделения по изучению русского языка и словесности вошла Российская Академия. Учрежденная Екатериной II в 1783 г., Российская Академия выпустила со временем свой знаменитый Словарь. Его составители расписали, хотя и выборочно, десятки старинных памятников — некоторые летописи, Киево-Печерский патерик, Пролог, «Русскую Правду» и др. Занимаясь Словарем и «Ключом» к «Истории Российского государства» Н. М. Карамзина, члены Российской Академии накопили многообразный опыт работы над древнерусским материалом.

С момента образования Второго отделения начинается в Академии наук расцвет изучения древней русской литературы. Нет возможности хотя бы кратко перечислить все, что было сделано в этой области в XIX в. Остановлюсь только на наиболее значительных ученых, давших направление академическому изучению древнерусской литературы.

Характерными представителями академической науки второй половины XIX в. следует считать И. И. Срезневского, Ф. И. Буслаева, Н. С. Тихонравова, А. Н. Пыпина, М. И. Сухомлинова, А. Н. Веселовского, но особенно — второго, третьего и последнего.

Смена направлений в изучении древнерусской литературы в какой-то мере обладала в XVIII и XIX вв. своеобразной «целесообразностью». При этом академические направления в изучении литератур следовали в русле европейских их смен. В начале своей деятельности Ф. И. Буслаев принадлежал к мифологической школе, созданной Я. Гриммом. Мифологическая школа сказала у Ф. И. Буслаева прежде всего в его исследованиях русского языка. Историко-сравнительный подход значительно смягчил у Ф. И. Буслаева крайности и фантазии мифологической школы. От этих крайностей, как известно, не удержались А. Н. Афанасьев, Орест Миллер и многие русские «мифологи».

Целый ряд увлечений и направлений, которым следовал Ф. И. Буслаев, оказались очень плодотворными для нашей науки: увлечение памятниками апокрифической литературы, интерес к «духовному стиху» с его неортодоксальными, чисто народными воззрениями, интерес к древнерусскому искусству в сопоставлении с памятниками литературы. Интерес к «отреченной литературе» стал своего рода традиционным для академической науки.

Последний из больших трудов Ф. И. Буслаева — «Русский лицевой Апокалипсис» (СПб., 1884) — был для своего времени выдающимся искусствоведческим исследованием и в свою очередь подчеркивал значение народных воззрений.

При всей своей горячей любви к древней русской литературе и древнерусскому искусству Ф. И. Буслаев не страдал болезнью национальной ограниченности. Значение мифологической школы Ф. И. Буслаева для изучения древнерусской литературы заключалось в том, что она сопоставила древнерусскую литературу с мировыми памятниками и с общим развитием фольклора. Это было сильное и действенное преодоление взгляда на древнюю русскую литературу как на подражательную и беспомощную, вместе с тем не отгораживающее ее от единого развития художественной словесности.

На смену мифологической школе (и, в частности, в трудах самого Ф. И. Буслаева) пришла теория литературного заимствования, созданная Бенфеем. Это было возвращение к историзму и к конкретному исследованию отдельных сюжетов и мотивов. Историческая роль теории заимствований заключалась в том, что она заставила исследователей заниматься не столько «доисторическими» явлениями, сколько конкретной эпохой средневековья и в еще большей степени, чем мифологическая школа, подчеркнула значение международных связей, в частности связей с Византией и Востоком, связей фольклора и литературы, значение устной передачи сюжетов и мотивов через купцов и крестоносцев, пилигримов и артели ремесленников.

Вслед за Ф. И. Буслаевым к теории заимствования примкнули русский академик, хорват по национальности И. В. Ягич, акад. А. Н. Веселовский, акад. И. П. Жданов и др.

Адепты теории заимствований исследовали по преимуществу влияние восточной поэтической культуры на За-

над. В этом влиянии особая роль отводилась арабам и буддизму, но более всего, как передатчику восточных сюжетов и мотивов, — Византии. Тем самым выросло в общемировом литературном обмене не только значение византийской литературы, но отчасти и древнерусской. Традиционно пренебрежительное отношение к Византии постепенно исчезало, а с ним вместе исчезло и пренебрежение литературой древнерусской — по крайней мере у специалистов-филологов. Возросло значение Византии и как хранительницы античного классического литературного наследия.

В отличие от Ф. И. Буслаева и А. Н. Веселовского Н. С. Тихонравов был, по существу, первым историком русской литературы, выдвинув перед этой наукой задачи, которые и сейчас могут служить если не окончательной, то предварительной ее программой. В извещении о принятом им издании «Летописи русской литературы и древности» (1859) Н. С. Тихонравов писал: «В настоящее время история литературы заняла уже прочное место в ряду наук исторических. Она перестала быть сборником эстетических разборов избранных писателей, прославленных классическими: ее служебная роль эстетике кончилась, и, отрекшись от праздного удивления литературным корифеям, она вышла на широкое поле положительного изучения всей массы словесных произведений, — поставив себе задачу уяснить *исторический ход литературы*, умственное и нравственное состояние того общества, которого последняя была выражением, уловить в произведениях слова постепенное развитие *народного сознания*, — развитие, которое не знает скачков и перерывов».²

Заслуги Н. С. Тихонравова сказались прежде всего в двух областях. Он сблизил изучение литературы с изучением истории. «Культурно-историческая школа», возглавлявшаяся Н. С. Тихонравовым, при всех ее недостатках имела, однако, то достоинство, что она стремилась основывать толкование литературных произведений на исторических данных. При этом Н. С. Тихонравов в своих взглядах на русскую историю далеко отошел от официальных точек зрения и проявлял особый интерес к запрещенным церковью произведениям. Вторая важная заслуга Н. С. Тихонравова заключалась в том, что он издал мно-

² Библиографические записки, 1859, II, с. 55—56 (курсив мой, — Д. Л.).

жество памятников и сделал это для своего времени точно и разумно. Культура издания древнерусских текстов, достигшая ко второй половине XIX в. высокого уровня, помогла Н. С. Тихонравову и при издании текстов русских классиков (Н. В. Гоголя, переписки Н. И. Новикова и др.) и фольклора.

В научном творчестве третьего гиганта русского литературоведения — А. Н. Веселовского сказались многие особенности, присущие научным установкам его великих предшественников — Ф. И. Буслаева и Н. С. Тихонравова.

Возвращаясь к А. Н. Веселовскому, следует отметить, что он внес в область изучения древнерусской литературы поразительную широту знаний. Русское, византийское и западноевропейское средневековье были им сближены не только в отдельных сюжетах и мотивах, общность которых он установил, но и в самих эстетических принципах и закономерностях развития, что гораздо важнее. В этом отношении А. Н. Веселовский был гораздо «реалистичнее» основателя сравнительно-исторического метода Бенфея. Он искал не только факты общения литератур между собой, но и конкретно-историческое объяснение этих фактов. Кроме того, и это особенно важно, А. Н. Веселовский интересовался не только творчеством передовых народов, но и тех, которые находились на сравнительно низком уровне культурного развития. Все народы в своем литературном общении были для него равными. Для него не существовало литературной «элиты»: он интересовался общением всех литератур, сильных и слабых, произведениями «средних» авторов, явлениями массового характера. И этому общению он не приписывал роль единственного источника литературных сюжетов и мотивов. Замечательно, что А. Н. Веселовский резко возражал против известной попытки В. В. Стасова возвести происхождение русских былин только к восточным источникам.

Как и Н. С. Тихонравов, А. Н. Веселовский особенно интересовался в древней русской литературе произведениями с неортодоксальной, народной точкой зрения на мир: духовными стихами, апокрифами, легендами и житиями святых (отмечу, что из всех жанров церковной литературы жития святых допускают наибольшие отступления от официальных, канонических воззрений).

Уже в XVIII в. задачи издания текстов привели Академию к постановке вопроса о критике текста источников. И в этом отношении значительную роль сыграл Август Шлецер, приехавший в Академию в 1765 г. и издавший текст «чистого» Нестора в 1802 г. в Геттингене (перевод вышел в Петербурге в 1809—1819 гг.).

Первая половина XIX в. выдвинула замечательных собирателей и издателей древнерусских памятников. Упомянем наиболее значительных: митрополита Евгения Болховитинова, К. Ф. Калайдовича, П. М. Строева, Я. И. Бердникова. Сделанное ими огромно. Издания этого периода объемом и значительностью опубликованного превосходят все, что было сделано за все остальное время.

Традиции особого внимания к собиранию и изданию древнерусских памятников сохранялись в Академии и в дальнейшем.

В конце XIX и первой четверти XX в. на основе огромного опыта русской академической науки по изданию памятников и на основе критического пересмотра принципов западноевропейской формалистической текстологии развились научные принципы русской классической текстологии.

С конца XIX в. русская Академия наук становится передовым центром текстологических исследований, значительно опередивших по своему методу западноевропейские.

Независимо друг от друга А. А. Шахматов в Петербурге и В. Н. Перетц в Киеве (в 1914 г. он избирается в Академию наук и переезжает в Петроград) создают каждый свою, но в чем-то и общую школу текстологических исследований памятников древнерусской (а второй — и древнеукраинской) литературы. В противоположность текстологической школе К. Лахмана и его учеников, для которых главным при издании текста была формальная классификация вариантов по механическим признакам, Шахматов и Перетц стремились представить конкретную «литературную историю» памятника во всех его редакциях, видах и изводах. Для обоих ученых главное значение имели в этой истории ее создатели — автор, а за ним часто неизвестные редакторы и переписчики, руководствовавшиеся в своей работе определенными идеями и целями, а иногда и литературными вкусами.

А. А. Шахматов, а вслед за ним и В. Н. Перетц положили в основу своих текстологических исследований принцип историзма, принцип изучения текста в его истории, во всех его изменениях.

Оценивая сейчас новые идеи в текстологии, внесенные в науку обоими академиками, мы можем заметить и крупные различия между ними. Свою текстологическую практику А. А. Шахматов развивал главным образом на наиболее сложном материале — материале летописей, где очень трудно различить не только отдельные редакции, но и отдельные памятники, где текстологические связи намечаются между всеми произведениями летописного жанра. Соответственно его текстология разработала наиболее тонкие приемы интерпретации текста. В. Н. Перетц был литературовед по преимуществу, и он достиг наибольших успехов в литературоведческой интерпретации всех изменений текста и его отдельных редакций. Выдающееся значение имели и его наблюдения по конкретным фольклорно-литературным связям, по переходу отдельных произведений из одной литературы в другую, из среды в среду, из литературы в фольклор и обратно.

Исторический принцип при изучении текстов не был случайностью: развитие не только текстологии, но и всего изучения древнерусских памятников в XIX и XX вв. все более становилось на прочную научную основу историзма. Постепенное овладение историческим подходом характерно, как мы уже отметили, для всех крупнейших ученых, изучавших древнюю русскую литературу.

* * *

Высокий уровень русской филологической науки поддерживался удачной организацией академической издательской деятельности. В 50-х годах стали выходить под редакцией И. И. Срезневского два выдающихся филологических журнала — «Известия имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности» (1852—1863) и «Ученые записки II Отделения имп. Академии наук» (1854—1863), продолженные затем «Сборниками Отделения русского языка и словесности» (с 1867 г. вышло около 90 томов). Возобновившиеся в 1896 г. по инициативе А. А. Шахматова «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук» стали одним из

лучших филологических журналов мира, который сам по себе мог принести их редактору А. А. Шахматову мировое имя. Издавались эти «Известия» с необыкновенной, почти патриархальной простотой, все дело делали два-три сотрудника, среди которых А. А. Шахматов был главным, кто подбирал, заказывал и принимал к напечатанию исследования, и благодаря «чувству новизны» которого выход каждого номера являлся небольшим, но все же событием в области филологии. Здесь было напечатано множество исследований по древней русской литературе, свидетельствующих о высоком «среднем уровне» русской науки конца XIX—начала XX в.

* * *

Предшествующее показывает, что Академия наук во многих отношениях была передовым учреждением своего времени. И это определило собой то, что академическая наука оказалась подготовленной к переходу на методологические позиции исторического материализма.

Тем не менее методологическая перестройка исследований древнерусской литературы и Академии наук совершилась после Великой Октябрьской революции далеко не сразу.

Исследования и публикации академиков М. Н. Сперанского, В. М. Истрина, Н. К. Никольского, В. Н. Перетца и других принципиально не отличались от тех, которые осуществлялись ими до Октябрьской революции. Прежними оставались на первых порах и организационные формы. Лишь с избранием в Академию наук СССР А. С. Орлова и при энергичной помощи В. П. Адриановой-Перетц в начале 30-х годов было приступлено к организации при Пушкинском Доме нового центра изучения древней русской литературы.

Еще в конце XIX в. акад. А. А. Шахматов предложил издавать серию «Памятников древнерусской литературы», и тогда же была организована «Комиссия по подготовке к изданию памятников древнерусской литературы», в задачу которой входило научное описание всех сохранившихся списков памятников древнерусской литературы и на этой основе издание отдельных памятников. До 1917 г. вышло два выпуска этой серии, в 1932 г. — третий. В 1914 г. была организована и другая комиссия —

по составлению толковой библиографии древнерусской литературы, т. е. библиографии изданий и исследований памятников древнерусской литературы, в которой библиографические сведения сопровождались бы краткими аннотациями и были отмечены списки тех или иных произведений.

На основании второй комиссии, которую первоначально возглавлял В. Н. Перетц, в 1933 г. был организован Отдел древнерусской литературы Пушкинского Дома. В состав этого Отдела после смерти акад. Н. К. Никольского в 1936 г. вошла и первая комиссия — по подготовке к изданию памятников древнерусской литературы. Во главе нового Отдела Пушкинского Дома стал акад. А. С. Орлов, ученым секретарем Отдела — член-корреспондент АН УССР В. П. Адрианова-Перетц.

Отдел был очень немногочислен, но благодаря объединению вокруг него всех специалистов, работавших вне стен Пушкинского Дома и даже вне Академии, а также благодаря удачной организации научных заседаний и появлению при Отделе своего печатного органа — «Трудов Отдела древнерусской литературы» (ТОДРЛ), привлечшего всех специалистов Ленинграда, Москвы и Киева, Отдел стал крупнейшим центром изучения русской литературы XI—XVII вв., какого не знала старая Академия.

В результате коллективных усилий различных специалистов, при организационном и научном руководстве Отдела, с середины 30-х годов началась перестройка методологического подхода к изучению древнерусской литературы.

В чем конкретно заключалась эта перестройка и что она дала? Отдел стал широко привлекать к участию в своих работах представителей исторической науки, где внедрение марксистского подхода совершилось ранее, чем в литературоведении. Это привлечение историков уже в 30-е годы дало блестящие результаты. Идя в ногу с исторической наукой, литературоведам удалось дать новую периодизацию истории древней русской литературы, новую характеристику отдельных памятников и писателей, вскрыть классовые корни их идеологии и особенно исправить в свете марксистской методологии историю древнерусской общественной мысли. Медленнее совершались изменения в подходе к исследованию художественной стороны произведений, но и здесь оказались плодотворными образовавшиеся контакты с представителями

других специальностей — в первую очередь с искусствоведами и лингвистами.

Изменения в области обычно привлекаемого для построения истории литературы репертуара памятников оказались также огромными. В историю литературы был введен целый новый и большой раздел памятников демократической литературы XVII в., исследованных и впервые научно опубликованных В. П. Адриановой-Перетц. Историко-литературному изучению подвергся большой слой исторических памятников, в первую очередь летописей. Пересмотрен был репертуар памятников древнерусской публицистики; были введены в изучение многие новые произведения и авторы (Ермолай-Еразм, Федор Карпов и др.).

Все эти изменения сказались не только в отдельных монографиях, выпущенных Отделом, и в его «Трудах», но и в большой академической «Истории русской литературы», где была создана в первых трех книгах (т. I и II, ч. 1 и 2) самая крупная из существовавших до того по объему и особенно количеству привлеченных памятников история древней русской литературы.

В послевоенные годы перед Отделом, переименованным в Сектор, встала новая задача: сохранить и развить лучшие достижения дореволюционной академической науки, подкрепив ими новый в методологическом отношении подход к древнерусской литературе. Эта задача стояла в первую очередь в области текстологии. Дореволюционная академическая наука имела крупные достижения именно в этой области. Школа А. А. Шахматова и школа В. Н. Перетца во многом обогнали «механическую текстологию» других стран. Большим достижением обеих этих школ было внесение в текстологию исторических принципов, рассмотрение взаимоотношения текстов с точки зрения истории текстов, комплексный подход к рассмотрению особенностей текста, объяснявший их главным образом в свете изучения личности авторов, редакторов, переписчиков. Этот исторический подход был углублен и развит в начавшей издаваться Сектором серии монографических исследований-изданий памятников древнерусской литературы. Это была серия на первых порах по преимуществу экспериментальная, где в свете общих исторических принципов ставились и решались не только отдельные технические, но и некоторые более общие текстологические задачи.

Опыт Сектора в области текстологии был обобщен и уточнен в изданной Сектором в 1962 г. монографии «Текстология. На материале русской литературы XI—XVII вв.». Общие принципы этой текстологии могут быть сформулированы в следующих 10 пунктах: 1) текстология — наука, изучающая историю текста произведения, и только одно из ее практических применений — научное издание текста; 2) прежде чем издавать текст, необходимо изучить его историю; история текста определяет выбор основного списка, тип подбора разночтений и проч.; 3) издание текста должно давать представление о его истории; 4) текстолог не имеет права удовлетворяться механической классификацией наличных текстов произведения, каждый текстологический факт должен быть объяснен с точки зрения его возникновения и истории; 5) текстолог должен отдавать предпочтение объяснениям, принимающим во внимание сознательные изменения текста, перед объяснениями, указывающими на бессознательные, случайные изменения; 6) текст необходимо изучать как единое целое, исследовать типы изменения текста в данном произведении, объясняемые индивидуальностью автора, редакторов и переписчиков; 7) в сборниках, где находится изучаемый текст, необходимо изучать его окружение, «текстологический конвой»; 8) необходимо также, если это возможно, изучать отражение текста произведения в других памятниках; 9) необходимо изучать характер работы тех или иных переписчиков в целом и отдельных скрипториев; 10) реконструкции текста памятников не могут считаться изданием текста памятника и заменять собой реально дошедшие тексты, хотя бы и испорченные; реконструкции не являются документами — это не более чем гипотезы исследователей.

В той или иной форме не только эти десять главных положений современной текстологии, но и все остальные, отраженные в книге, являются развитием тех принципов историзма в текстологии, которые имелись уже в работах А. А. Шахматова и В. Н. Перетца.

В 30-е годы возникла небольшая ячейка по изучению древнерусской литературы и в Москве — в Институте мировой литературы АН СССР. Группа эта работала под руководством действительного члена АН УССР Н. К. Гудзия и выпустила совместно с Пушкинским Домом сборник «Старинная русская повесть» (1941). Во время войны

эта московская ячейка распалась и вновь возродилась в 50-е годы сперва под руководством доктора филологических наук В. Д. Кузьминой, а после ее смерти — доктора филологических наук А. Н. Робинсона. Группа выпустила два сборника «Исследований и материалов по древнерусской литературе», несколько отдельных монографий и изданий текстов, а в настоящее время издает полный свод произведений ранней русской драматургии в нескольких томах. Издание это, когда оно будет закончено, явится крупным событием в нашем литературоведении.³

Непосредственно после Великой Отечественной войны в археографическом изучении древнерусской литературы и древнерусских рукописей наступает значительный перелом, вызванный возобновлением прерванных после Октябрьской революции экспедиционных поисков рукописей. Организатор этих экспедиций и их руководитель В. И. Малышев пополнил ряд рукописных собраний Ленинграда и создал в Пушкинском Доме обширное Древлехранилище, насчитывающее более 7000 единиц хранения. Экспедиции В. И. Малышева подали пример для других научных учреждений, которые стали посылать экспедиции за рукописями. Наибольший успех имели экспедиции филологического факультета Ленинградского университета. Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Библиотеки АН СССР, Московского университета и ряда краеведческих организаций. Сибирское отделение АН СССР создало свой археографический отдел, который под руководством Н. Н. Покровского успешно собирает сейчас рукописи по всей территории Сибири, осуществив неслыханное «археографическое открытие Сибири»,⁴ до тех пор не обследовавшейся собирателями.

Под руководством В. И. Малышева экспедициями был охвачен весь Север России, Прибалтика, Поволжье, старинные города центральной России и многие другие места. Ежегодно привозятся сотни рукописей. Координация экспедиционных работ возложена сейчас на Археографическую комиссию АН СССР в Москве.

³ Издание это в 5 томах было завершено в 1976 г.

⁴ См.: *Панченко А. М.* Археографическое открытие Сибири. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. М., 1975, с. 152—156.

Десятки новых памятников литературы, опубликованных после войны в «Трудах Отдела древнерусской литературы», изменили наши представления о развитии древней русской литературы. Особенно много было обнаружено хронографов, степенных книг, текстов летописей, сатирических произведений, записей былин и песен XVII в., произведений демократической литературы (среди них первоклассная «Повесть о Сухане», открытая В. И. Малышевым), переводных повестей и т. д. Было открыто множество новых редакций старых, уже известных произведений, которые теперь можно издать лучше и полнее, чем раньше.

Экспедиционная работа не только спасла от гибели многие рукописи, сделала их доступными для изучения, но и внесла новое оживление в изучение древней русской литературы.

Древняя русская литература стала изучаться не только в Ленинграде и Москве, но также (под руководством Н. Н. Покровского) в Новосибирске, где было создано большое собрание древнерусских рукописей, в Тарту (под руководством Ю. М. Лотмана) и других университетских центрах.

* * *

Сейчас перед академическим изучением древней русской литературы стоят следующие ближайшие задачи. Издать те памятники, которые еще не изданы или изданы ненаучно: в первую очередь переводную Хронику Манассии, повлиявшую на русское историческое повествование в XV—XVII вв., Еллинский и Римский летописец, Троянскую историю по всем редакциям, Александрию по всем редакциям и проч. Продолжить археографические экспедиции и выяснить «географию» распространения тех или иных текстов, а также особенности рукописной традиции и книжной культуры в отдельных районах (работу эту начал В. И. Малышев своей книгой «Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX вв.» (Сыктывкар, 1960)). Продолжить изучение художественных особенностей древнерусской литературы, а также исследовать отражение в памятниках отдельных стилей и художественных направлений. На основании коренного пересмотра традиционного репертуара древнерусских памятников, обычно

включаемых в истории древней русской литературы, создать новую историю русской литературы X—XVII вв., охватывающую не только те памятники, которыми в первую очередь интересуемся мы сами, но и те, которые больше всего читались в Древней Руси. Вот почему для нас в последнее время все большее значение приобретает изучение древнерусского читателя и древнерусских четких сборников.

В заключение я хотел бы указать на следующее. Сейчас, когда изучение древней русской литературы приобрело очень широкий характер, когда им занимаются представители разных специальностей — историки, искусствоведы, историки науки, языковеды, археографы и т. д., особое значение приобретают «филологический профессионализм» и филологическая точность исследований.

Филологические выводы в исследовании текста, текстологические данные и проч. имеют исходный характер для последующих выводов «непрофессиональных» филологов. Эти исходные данные и в первую очередь данные истории текста и самые тексты должны быть исследованы и подготовлены на самом высоком научном уровне, должны обладать высокой «надежностью». Это особенно относится к изданиям текстов по многим спискам, к подводящим разночтениям и проч. Академическая наука должна в первую очередь отвечать за эту «надежность» и точность.

Изучение древней русской литературы приобретает за последние годы черты «массового» явления. Это не значит, что новые «непрофессиональные» исследователи численно особенно велики, но во всяком случае их больше, чем профессиональных, а это налагает на академическую науку особенно большую ответственность.

(Русская литература, 1974, № 2, с. 3—13)